

ДМИТРИЙ
МИРОНОВ

НЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

A stylized silhouette of a city skyline at the bottom of the cover, featuring various building shapes with white window cutouts. The background is dark blue with a red grid pattern.

Дмитрий Миронов

Нежный человек

«Автор»

2017

Миронов Д.

Нежный человек / Д. Миронов — «Автор», 2017

Я снова проваливаюсь в прошлое, а больше ничего не осталось, впереди вряд ли что произойдет. Восемидесятые, новая музыка из-за «железной стены», рок-клуб, девяностые. Еще все живы и нас так мало на этой планете. Тогда казалось - сдохнуть в сорок лет и хорошо, и хватит. Сборник рассказов про близкие отношения и кровавый веер на стенах...Содержит нецензурную брань.

© Миронов Д., 2017

© Автор, 2017

Дмитрий Миронов

Нежный человек

Я работаю в газете "Деловой Петербург", мне очень нравится, три – четыре часа в день, для пьяницы это удобно, мучиться недолго.

Каждое утро я должен стоять у магазина "Буквояд" на площади Восстания, приезжает автомобиль "рено логан" с буквами на дверях "ДП", водитель отдает мне мешок с газетами, забирает остатки вчерашней доставки и уезжает. И я иду на маршрут.

Улицы Восстания, Жуковского, Басков переулочек и Греческий проспект. Многоэтажные инсталляции из железа, бетона и фиолетовых зеркал. Меня ждут, мне рады, я говорю всем, здравствуйте.

Офисы, офисы, офисы, девочки и мальчики носятся по коридорам, компьютеры дымятся, принтеры жужжат, осень – пик деловой активности.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Деловой...

– Спасибо!

– До свидания.

– Всего вам наилучшего.

"Норвежский парк", "Яхтенный клуб", "Скандинавская школа", ИП Петр Гарин и сыновья. Карта России утыкана красными флажками – сферы влияния, диаграммы, прайсы. Не успеваю выйти за дверь, мою газету уже листают.

Одиннадцать часов. С улицы Марата сворачиваю в Кузнечный переулочек. Магазин-кафе, в углу пара круглых высоких столов, как раньше в пирожковых. Бутылочка портера, пью ее сидя на подоконнике, смотрю в окно на Лиговский проспект. Осталось пара адресов, еще полчаса и я свободен.

Потом надо "отзвониться" у меня начальник пожилая женщина Раиса Канительевна или Фестивальевна, забыл, видел ее только раз, когда подписывал договор.

– Маршрут четыре пять семнадцать...

– Все нормально?

– Ага.

Два раза в месяц приезжаю в контору за зарплатой, очередь всегда в одной и тоже последовательности, будто кто-то издевается. Я всегда за бабушкой в шерстяном берете, бабушка за алкашом в кожаном пиджаке, потом молодой даун слюна до пупа, всегда что-то рассказывает, хихикает, очередь слушает. Я делаю громче музыку в наушниках, я всегда в наушниках, когда в толпе. Ненавижу слушать чужие разговоры, это невыносимо слушать чужие разговоры.

Одиннадцать тысяч в месяц. Идеально. Больше и не надо. Все равно работаю, что бы бухать, ладно, теперь я не закусываю мясом и пью другие напитки, но зато в двенадцать утра я свободен.

...Еду домой. Электричка медленно покидает город, проезжаем желтые дома Лиговки, Обводный канал, заводы, заборы, трубы из красного кирпича, за станцией Обухово поезд набирает скорость, за окном поля до самого горизонта, лес. Сорок минут и я дома.

Нашу улицу пересекает речка, почти ручей, огибает яблоневый сад и двухэтажный дом старый и деревянный, коммунальный, на четыре квартиры. Мост через речку пешеходный, машины здесь не ездят, за мостом обычная сельская улица домов на пять справа и слева, и, улица проваливается в поле, превращается в тропинку, петляющую до самого леса. К дому ведет дорожка, посыпанная желтым гравием, во дворе сортир, сарай и пустая собачья будка.

У меня есть друг, по имени Кира. Со второго этажа ей прекрасно видно, как я иду по тропинке, она выбегает меня встречать всегда босиком, и с включенным планшетом.

- Я счастлива.
- Привет.
- Я счастлива, слышишь?
- Слышу.
- Я помирилась с Вадиком.

"В Контактике" у нее статус: "я давно люблю одного человека только ни скажу каво", или "Любовь это когда ты ему нужна постоянно а не временно" или "Самое приятное когда счастья не ждешь, а оно раз и случается" и так далее. Семейное положение всегда замужем, фамилия каждый месяц разная.

Топот босых пяток по деревянным ступенькам, кричит уже сверху:

- Пойдешь в пятерочку?
- Вечером.
- Позвонишь?
- Ага...

Я живу на первом этаже, приехал сюда в январе. С Кирой познакомился в первый же день, я отдираю доски от оконных рам, все окна и двери настежь, что бы проветрить квартиру. Затопил печку, мне привезли дров целую машину, вывалили во дворе, надо было перетащить их в сарай. Вымел колобки пыли из-под кровати, шкафа, серванта, выволок пакеты с мусором на улицу...

- Здравствуйте!

Голос откуда-то сверху, темно на лестнице, бум-бум, сначала появились ноги в черных колготках, джинсовая мини, обувь отсутствовала, в овальных дырах на колготках отсвечивали голые ляжки.

- Здравствуйте, – говорю.
- Вы здесь жить будете?
- Посмотрим...

В девяносто пятом умерла бабушка, сразу после похорон мы с матерью заколотили досками окна и дверь, и я на двадцать лет забыл сюда дорогу. За это время умерли все старухи на первом и втором этажах, огороды заросли дикой малиной, но не только умирали в этом доме, вот родилась Кира.

Кире девятнадцать, круглое, красивое лицо, большой живот вываливающийся из штанов, лягушачья жопа и плечи как у штангиста. Я никогда не видел рядом с ней подружек или друга, друга, которому посвящены все эти замечательные статусы, но она часто пропадала где-то два-три дня, а то и неделю. Приходил один раз какой-то узбек, спросил то ли Киру, то ли Иру, вертлявый цыган пару раз здоровался со мной на лестнице.

Мы часто с ней гуляли от "Пятерочки" и до водопадов с мешком джин-тоники, как старые приятели. Если кто-то звонил ей, она отвечала – я с другом. В толпе она бы меня не заметила, просто так сложилось – живем в одном доме, далеко ходить не надо. Я тогда еще работал в городе на Парнасе, приличная зарплата и должность. Одна беда – ездить далеко, и в мае месяце я уволился.

Лето было жаркое и душное, думал, кончится июльский зной и надо будет что-нибудь искать, пару месяцев можно было отдохнуть...

Это был, пожалуй, самый жаркий день, Кира сидела во дворе на скамеечке, красила ногти на ногах, я сначала решил, что она голая. Я еще не видел ее голой.

- Ты куда? Я с тобой.

Не, показалось, это платье такое, все нормально. Мое пиво только в ларьке у станции, пошатели окольной дорогой, мне всегда стремно с ней идти по проспекту. Тихая деревенская

улица вдоль болота, камыши с человеческий рост, заросли осоки. В луже на дороге бесновались только что вылупившиеся из икры головастики. Они медленно варились, солнце палило прямой наводкой, к вечеру от лужи останется одна грязь в трещинах. Кира бросилась ладошками вычерпывать мечущихся головастов, переливать их в болотную воду, я слышал, как квакали лягушки в камышах, они говорили ей спасибо.

У Киры руки, щеки, шея черные от грязи, я сказал:

– Пошли к речке.

На берегу на вытоптанной полянке бухали несколько мужиков, дым из мангала, запах жаренного мяса. Мужики обернулись:

– О, привет! Иди сюда!

Мельком разглядел одного – по пояс голый, весь в наколках, даже на лбу какие-то буквы. Кира махнула мне рукой:

– Догоню!

И я пошел дальше один. Где-то за речкой смеялись собаки, гавкали люди, сигналили машины, громкоговоритель на станции просил седьмого пройти на второй путь, свистнула, отчаливая от платформы электричка...

Купил у станции пива себе и "Манхеттен". Во дворе ее мама развешивала на веревке постельное белье, я поздоровался, сел на скамейку. Что-то спросила, я ответил, поговорили. Я вынес из дома кружку, налил ей.

Киры не было полчаса, шаги за углом, она. Села рядом, от ее лица пахло немывыми хуями.

– Наливай себе.

Она встала, наклонила бутылку, руки дрожали, и тут я увидел, как по ее ноге чуть выше колена, ползет вниз белая мутная капля. Она прихлопнула ее ладошкой, растерла.

Член мой мгновенно распух, я сунул руку в карман поправить его, несколько минут, как в тумане. Наконец, матушка собрала тазы, ушла домой, мы ко мне. Дико хрустнула кровать, почему какому-то чудовищу с иероглифом на лбу можно, а мне нет. Она не сопротивлялась, отдалась без крика. Между ног у нее так сыро, все пальцы провалились в щель, сколько ей напускали за эти полчаса, там мне делать нечего. Я вставил ей в задницу... Хотя бы у нее был СПИД, логический финал никчемной жизни. Я всегда думаю о какой-нибудь хуйне, когда с новой дыркой, что б быстро не кончить. Ты гавно – я гавно будущего нет, ты дрянь – я дрянь будущего нет, как много лет между нами, ее мать младше меня на два года, надо посчитать...

Я стиснул десны что бы не застонать, залил ей спину семенной жидкостью. Она уползла к стене, выдохнула волосы, ущипнула меня за руку, будто проверяя, не снится ли ей это. Потом, мы просто лежали, смотрели в окно...

Я могу бесконечно долго смотреть в окно, тишина такая же, как двадцать лет назад или тридцать. Все тот же самолет громыхнул в небе, зацепившись за облака, один и тот же поезд шумит Москва – Ленинград, слышно, как падают на землю яблоки.

Глаза устают смотреть далеко, я переключаюсь на предметы в комнате. Под телевизором тумбочка внутри книги: "Лунный камень", "Записки Пиквикского клуба", "Сержант милиции". На нижней полке квадратная коробочка из-под зефира там старые открытки и письма. Над телевизором отрывной календарь, такие раньше висели в каждом доме, я нашел его в этой самой тумбочке и повесил на гвоздик под выключатель. Тридцатое августа, тысяча девятьсот семьдесят какой-то год, почему бабушка остановилась на этих цифрах? Никто теперь не узнает, может двери красили или обои меняли, сняли и повесить обратно забыли.

Под датой микроскопическая картинка. Дорога, хлебное поле, жирная точка на горизонте изображает комбайн. Колосья кланяются под слабым ветром, листья летят с берез. Солдат в парадной форме сидит на чемодане, фуражка на затылке. Солдат счастлив, как может быть счастлив только дембель, то есть абсолютно свободный человек. Он смотрит на приближаю-

щийся по дороге грузовик, за грузовиком облако пыли. Солдат знает, что машина обязательно остановится, может, его уже разглядели из кабины и узнали...

Падают кляксы с моей воображаемой чернильной ручки и, с инертностью рассыпавшихся из градусника ртутных шариков, собираются в фигурки людишки. Вот бабуся с авоськой, алкаш на костылях и маленький человек лет одиннадцати. Я назову его Александром, почему бы и нет, мне нравится свое имя.

И вижу я заснеженный город, бледно-фиолетовое утро, дым из труб завода "Вулкан", взрослые второго января уже шли на работу. Дома никого. Тишина, по радио булькает синтезатор, в перерывах между мелодиями слышно, как скрипит паркет у соседей...

Александр достал из холодильника миски с новогодними салатами. Тщательно проверил "оливье" нет ли в салате осколков елочной игрушки, в новогоднюю ночь разбились стеклянную шишку, соседка закусила салатом и заорала, изо рта полилась кровь. Александр очень боялся битого стекла. Иногда оно завораживало, как однажды осенью они с другом Мишкой познакомились с пацанами с Рыбацкой улицы, гуляли у них во дворе, когда возвращались, видели аварию. Катастрофа произошла минутой назад, может больше, уже успел собраться народ. Кого-то сбили насмерть, судя по крикам. Грузовик снес и светофор, водитель сидел на паребрике, он был пьян. Друг Мишка нырнул в толпу – айда позырим! Но Александр смотрел на разбитую голову светофора, выкорчеванный мощным ударом, он лежал на асфальте. Зеленое стекло рассыпалось, и он увидел внутри всего лишь обыкновенную лампочку, а стекло было просто выкрашено зеленой краской. Как все просто, а он думал, что это самый сложный механизм. Шофер курил "Беломор", это был старый дед в галифе, и ватнике...

Александр вымыл за собой тарелку, делать больше нечего, оделся и вышел на улицу. Он единственный в классе кто еще не смотрел "Каскадеров", голубой билет за двадцать копеек на четырнадцать тридцать...

В садике на углу Большого проспекта и Лахтинской незнакомый мальчишка лепил снежную крепость. Вместо пальто, как у Александра и его друзей, болоньевая куртка и вязаная шапочка с помпоном, а не шапка-ушанка. Снежную крепость строить очень легко, если снег мокрый и липкий, накатал шаров и складывай себе.

С проспекта на тропинку между сугробами свернули гопники человек пять, вязанные "петухи", длинные шарфы до колен, керзачи. Александр их знал, это "хунта", так они себя называли, восьмой "Б" из их школы – Мики, Шпагат, Варшавский.

Александр спрятался за дерево, гопники шли мимо крепости, первый щелкнул пацана в нос, другой ударил ногой в живот, третий сорвал шапочку и закинул ее на дерево. И пошли дальше, не прерывая разговора, будто мусор с тропинки пнули, их гогот эхом в подворотне. Ушли.

– Эй, не сможешь достать?

Мальчишка улыбался, из носа текла кровь, он вытирал ее снегом, на животе белый отпечаток от керзача.

– Мне никак, руки замерзли.

Александр залез на дерево, стряхнул шапку с ветки, спрыгнул на землю.

– Спасибо. Ты с какой школы?

– Пятьдесят шестой.

– Я с пятьдесят первой. Какой класс?

– Пятый...

– Я тоже. Как зовут тебя?

– Саша.

– Я Женя.

Этого парня всегда будут бить, подумал Александр, вот хули он улыбается, волосы длинные глаз не видно, разрешают же некоторым, и этот браслетик под рукавом из каких-то разноцветных пластмассовых камешков.

– Я вообще-то в кино...

– Я тоже!

И Женька достал мокрую желтую бумажку. Рубль.

– У вас классная кто?

– Англичанка.

– У нас историчка. Хорошая тетка, старенькая уже. А еще прикинь училка пеня каждый урок закрывает дверь на ключ и ставит нам пластинки слушать "абба-бониэм"...

Женька подробно описал учительницу – молодая, пьяница, блестящие сапоги-чулки на высокой подошве, пластинки такие голубые, на одной стороне нормальные ансамбли, на другой "Ялла" или "Гунеш"

В буфете они купили лимонад и бисквитные пирожные, Женька достал вкладыши, вывалил пачку на стол, Александр закашлялся. Не может быть у одного человека такого богатства. Микки Маус, Дональд, еще какие-то волшебные животные, запах жевательной резинки...

– У меня отец в "Астории" работает, на, возьми парочку.

– Меняю на гильзы.

Это единственное, что было в карманах Александра. Женька засмеялся:

– Не надо, зачем? На вот еще, возьми.

Гильзы от патронов были у всех, пистолетные, ружейные, разные. Валялись везде, всего-то тридцать лет после войны.

...Когда вышли из кинотеатра, стемнело, к вечеру улицы оживали, катили троллейбусы по проспекту, набитые народом. Очереди везде в каждом магазине, желтый снег от витрин, пирожковая в подвале около "Ремонта часов", они присели на корточки, заглянули в окна.

Бабуля в марлевом колпаке наливала горячий кофе в граненые стаканы, заворачивала в бумажную ленту пирожки. меховые шапки на затылках, каракулевые воротники, мужики пьют портвейн из граненых стаканов. Дверь не закрывается – народ туда-сюда смех, пар, звон посуды, двупалая вилка мечет пирожки из кастрюли в бумагу, пирожок с мясом – 10 коп., беляш 22, пирожок с морковью – 7 копеек. Давно остыли пирожки с морковкой, никто не берет, лежат себе горкой на подносе. Кушать хочется...

Женьку встречала мама как раз в том самом сквере на развалинах снежной крепости. Красивая женщина похожая на "кавказскую пленницу"

– Кто этот мальчик?

– Из пятидесят шестой школы...

Женька не попрощался, слышно было, как он что-то объясняет, Александр пару домов шел за ними, пока не свернул во двор, к себе на Гатчинскую.

Потом они виделись один раз в очереди за апельсинами в "Диете" перед восьмым марта. Женька улыбнулся, пожал плечами, он был с родителями и большой хозяйственной сумкой. Из сумки торчали макароны, зеленый лук, "городской" батон...

В мае месяце на последнем уроке классная руководительница, стуча перстнями по столу и чеканя каждое слово, предупреждала:

– Каждого! Внимание, класс! Что бы. Все. На лето. Уехали из города. К бабушкам. Дедушкам. Пионерские лагеря. Куда хотите. Что бы. Никого в городе не было! Все слышали?

Александр сидел за первой партой, буфера Нины Васильевны колыхались у него над темечком.

– У иностранцев ничего не клянчить! – Нина Васильевна даже гавкнула на букве "я" и бум-с перстнем об парту – точка, то есть восклицательный знак, конечно же.

Олимпиада...

Александр вернулся в конце июля, в лагере остались нищоброды из многодетных семей и дети пьяниц. Александр видел, как они плакали, когда колонна автобусов выезжала через распахнутые ворота. За два-то месяца все остопиздело и черника и теплый песок берега Вуоксы и жареный на костре хлеб. Прощайте! Увидимся!

Никого еще в городе не было, все друзья на дачах у бабушек. Гулял один, вечером мать разогревала ему ужин, и говорила:

– Завтра не забудь в магазин, деньги на холодильнике.

Ночь. Александр борется со сном, суббота, храпят за стенкой родители, форточка открыта, где-то далеко проехала машина, чьи-то шаги эхом во дворе колодце. Кончилась программа "Юность", еще пятнадцать минут новостей...

– Добрый вечер, уважаемые радиослушатели. Ленинградское радио продолжает свои передачи, в эфире "Ваш магнитофон"

Звучит божественная ария номер пять из "Бразильской бахианы"

– Сегодня вашему вниманию мы предлагаем записи английского вокально-инструментального ансамбля "Смоуки"...

– ...Стоп. Запись окончена. Проверьте имена исполнителей и названия песен. Я живу по соседству с Алисой, иголки и булавки, ты нужна мне в полночь...

Опять заснул. Чуть не плачет, со злостью выдернул шнур из розетки, радио заткнулось.

Утром никого дома, мелочь и записка: "картошка – 3кг, лук – 1кг, батон"

В овощном прохладно, тянет землей из дыры в подвал, оттуда конвейерная лента, мужик в синем халате качает рычаг, грохот картошки на весы.

– Три кило! – орет мужик, – дальше!

На мраморном прилавке тыква, зеленый лук, пачки соли.

– Сорок копеек, второй отдел, – поет кассирша и стучит по клавишам, – дальше!

В винном отделе толкотня, быстрое, четкое обслуживание, люди не задерживаются. Звонят бутылки в деревянных ящиках, тетка сдувает стружки, принимает чеки.

– "Изабелла" две. Дальше. Не спим, бабуля!

Настоящая очередь на улице, даже не очередь, столпотворение рядом магазин "Мелодия", дают Джо Дассена.

– Эй, привет!

Женька... Заросший глаз не видно, волосы до плеч. У него тоже авоська, он за яблоками, но уже передумал.

– А, плевать, скажу, нет.

Друзья зашли домой к Александру, оставили картошку на кухне, Женька попил воды из-под крана, снова вышли на Большой проспект.

Просто пошли куда глаза глядят, Женька был все лето на Украине у бабушки под Харьковом, чуть не утонул в какой-то луже, когда возвращались в Ленинград, пьяный папа подрался с солдатами в поезде.

– Еле разняли...

Зашли в "Олимпиец", спрятаться хоть на несколько минут от палящего солнца зависшего над проспектом. Поглазели на лыжи, баскетбольные мячи в корзинах, Александр померил коньки, прогулялся в них, опираясь на вратарскую клюшку. Почему-то во всех спортивных магазинах в большом избытке были вратарские клюшки.

– Не жмут? – спросила продавщица.

– В самый раз.

Женька смеялся, как девчонка. Минут на пять засахарились у витрины с сувенирами. Записная книжка в "золотом" переплете, брелоки с олимпийским мишкой. Продавца не было, вероятно здесь ничего не покупали, все очень дорого.

– Пошли в канцелярский.

– Айда.

Самый волшебный магазин, здесь всегда многолюдно. Ручки, чернила, мелки, транспортиры, линейки, фломастеры "Союз", контурные карты, альбомы, обшитые черным бархатом готвальни, бумага. Много самой разной бумаги – копирка, калька, рыжая клетчатая миллиметровка, ватман в рулонах. Душно, магазин маленький. Женька и Александр загибая пальцы подсчитали, что и сколько им нужно, покупать надо как можно скорее, через несколько дней сюда будет вообще не войти.

Дворами пошли обратно, пересекли улицу Ленина, "сталинская" высотка, Женькины окна на последнем этаже. Большой двор с фонтаном, гопники играли в "слона-и-мильтона". Хунта – волосатые, как "бременные музыканты", джинсы-клеш, широкие ремни, на пряжках портреты "АВВА", "Чингис Хан"

Они обогнули на всякий случай опасный квартал, вышли по проспекту Щорса к "лысой горе", Александр надеялся встретить здесь кого-нибудь, но на горе было пусто, зато под горой...

Два пивных ларька, напротив магазина "Океан", оживление, перезвон пивных кружек и Гриша.

Гриша алкаш на костылях в пальто и огромных ботинках, при ходьбе он задирает одно колено, будто вечно переступал через кучу говна.

– Да я двадцать пять лет в братской могиле пролежал! Все зубы сгрыз! У меня на спине противотанковый снаряд разорвался! Эй, хуенэ из балета Гаянэ! Мая очередь!

Насосавшись пива пошел домой, очень медленно, Женька и Александр выбегали из подворотни, как бы на встречу.

Гриша махал костылями, рычал диким матом, блевал не нагибаясь, прямо себе на грудь. Друзья хохотали, исчезали в подворотне, высказывали из следующей. На Чкаловском Гриша упал, костыли в небо, будто зенитки, самому не встать.

– Поднимите меня! Ебаный в рот!

Приехала милиция, еще какая-то старуха прибежала, началась ругань...

Они поднялись на грохочущем лифте на последний этаж, две квартиры на лестничной площадке, скользкий мозаичный пол, широкий подоконник.

– Красиво, правда?

Солнце переспелый цитрус раскидало по крышам оранжевые корки. Шпиль Петропавловской крепости отсвечивал до боли в глазах...

– Ладно, пойду.

– Заходи завтра.

– Посмотрим.

Следующий день они тоже были вместе. На первом этаже во дворе дома Александра, в зассаном тупике с окном прямо на круглые помойные баки, жил сумасшедший Кирилл. Александр слышал, как его забирали, он орал, выбил стекло в единственном окне. Сумасшедший любил путешествовать, зимой и летом в сандалиях на босу ногу и длинном до колен пиджаке. Старухи рассказывали, когда его в последний раз сняли с поезда, где-то под Москвой, он Кирюшей Андроповым назвался.

Александр выдернул фанеру, которую дворник вставил вместо стекла, и друзья залезли в жилище несчастного. Весь пол в комнате был усеян детскими игрушками, головы кукол насыжены на горлышки пустых бутылок. Здесь было очень много банок и бутылок из-под иностранно пива, в глазах рябило от этикеток, там были львы и лошади, целые произведения – картинки, как в книгах о приключениях. Сумасшедший набирал эти сокровища на помойке у посольства на улице Бармалеева, его почему-то не гонял милиционер, который сидел в стеклянной будке.

Кухни не было, умывальник тут же и крохотный унитазик в углу, на вбитом в стену гвозде висел тот самый пиджак. Александр пошарил в карманах, нашел три копейки. Подобрали несколько самых красивых бутылок, солдатиков индейцев, Женька нарыл импортную модельку "Альфа Ромео" с открывающимися дверями и журнал "Нэншнл джиографик". Разглядывали голые жопы папуасов, поделили журнал пополам. Александр урвал себе с рекламой "Мальборо" – усталый ковбой на лошади, джинсы, сапоги, лассо, красная пачка сигарет в кармане рубашки.

– Отдай мне, я нашел.

– Пососи, помолодеешь.

Женька заплакал, Александр удивился.

– Ты чего? Да бери, ладно...

Они расстались на углу Щорса и Лахтинской.

– Заходи завтра.

– Посмотрим.

– Приходи, пожалуйста.

– Хорошо-хорошо.

Но вечером к Александру пришел дружбан Мишка, про Женьку он сразу забыл.

Последние дни лета они носились по улицам, играя в войнушку, смотрели "капитана Врунгеля" у Мишки дома, Мишка показывал новые изобретения. Подводные лодки, космические корабли, палубы, каюты, пушки, лазерные пулеметы, все четко красной и зеленой авто-ручкой на альбомных листах.

Мишка вообще много знал, например, что Терешкова обосралась когда приземлилась, что Райкин еврей, Демис Русос кастрат, да много чего.

Утром первого сентября Александр вышел из дома в восемь пятнадцать, вокруг цветы, пионерские галстуки, все счастливы. Впереди пара – мама и дочка. Улица кончилась, перекресток, красный свет. Всем стоять, пропустить автотранспорт, они замерли, пропуская трамвай и грузовики.

Сначала он узнал маму, мама узнала Александра, что-то сказала дочке, девочка обернулась, это был Женька. Волосы собраны на бок, заколоты железной божьей коровкой, школьное платье, белый передник, голые колени, белые носки, туфли.

– Ха-ха, – сказал Александр, – ха-ха. Блядь...

Трамвай фыркнул бенгальским огнем, поворачивая на проспект Чкалова. Зажегся зеленый, дороги их разошлись пятьдесят первая школа налево, пятьдесят шестая прямо. Женька еще раз оглянулась, ее взгляд – извини, так получилось. И Александр сразу вспомнил: браслетики и слезы из-за какой-то хуйни, и дурацкий смех и это "проводи меня". Тогда зимой он принял ее за мальчишку, а она не стала возражать, может, разосралась со всеми сразу подружками, может быть...

Он очень плохо соображал в этот день первого сентября, на уроках смотрел только в окно, где в пяти минутах ходьбы, стоит точно такой же казенный дом, и слышал грохот трамваев прямо под окнами ее класса.

После последнего урока он побежал туда, увидел ее за школой, там гуляла группа продленного дня. Мальчишек не было, девочки скакали по квадратикам, нарисованным розовым мелом на асфальте. Женька была с ними, но не прыгала, сидела на скамейке. Он спрятался за тополем, разглядывал ее, будто видел в первый раз, но он и видел ее впервые.

Побежал домой. Родителей еще не было, записка на столе, кастрюля и сковородка в холодильнике...

Александр вспомнил кровь на снегу, гопников, как летом она сидела на подоконнике и смотрела на него, обижалась до слез из-за какой-нибудь ерунды. Заплакал и он. Это было

совсем другое, он совсем не понимал, что с ним происходит, просто очень хочется плакать, и все.

И он спрятался. После школы не выходил на улицу, в выходные сидел дома, если шел гулять, то в другую сторону от ее дома...

Через два месяца острая боль прошла, он отпросился с физкультуры, побежал к пятидесят первой школе. Нашел ее класс по расписанию уроков, дождался звонка на перемену. Знать бы еще фамилию. Распахнулись двери кабинетов, стало шумно, тесно, ее нигде не было...

Утро седьмого ноября, на кухне чад, стук ножей, женщины в нарядных кримпленовых платьях, воздушные шарик под ногами, телевизоры на всю катушку – ура! товарищи! ура!

Улицы пустынные, праздник грохочет в центре, Александр весь день гулял из кинотеатра в кинотеатр. Обедал на кухне на подоконнике, в комнате много народу – пришли гости. И снова на улицу. Когда стемнело, добрался до улицы Ленина, свернул во двор с фонтаном. Поднимался пешком, несколько раз возвращался, прыгал вниз через две ступеньки. Шел обратно.

Дверь была опечатана, белая полоска бумаги и жирная печать – герб Советского Союза. Громыкнул лифт внизу, вздрогнули канаты, кабина поехала вверх, остановилась, вышла старушка, стряхивая зонтик. Александр поздоровался.

– Здравствуйте!

– Напугал идол! Ты к кому?

– Сюда...

– Они уехали.

– Далеко?

– К себе, – пожала плечами старушка.

Уехали. Печать с гербом. Он все понял, тогда многие уезжали "к себе", это действительно очень далеко и навсегда, как на другую планету, оттуда не возвращаются.

Шел дождь. Шел домой Александр прямо по середине улицы, ни машин, ни трамваев, город парализован праздником. Окна превратились в оранжевые кляксы, в этих электрических колодцах пили, ели, смеялись и танцевали, а он один, шел и плакал. А может и не плакал, это дождь склеивал ресницы и тек по щекам.

Он увидел своих родителей через витринное стекло в одном из "близняшек" на Большом проспекте, кафе между Гатчинской и Лахтинской. Им хорошо, друзья отца с работы усатые мужики, графин с коньяком, отец наливает, все курят, свободных мест нет.

Мимо него в сторону Васильевского острова люди шли на салют компаниями большими и маленькими, кого-то волокли, подхватив подмышки. Милиционеры на перекрестках поднимали упавших, подталкивали, направляли...

Дома смрад от пустых бутылок и грязной посуды, стол не убран, пластинки на полу...

– Хорошо, – сказал Александр, – осталось три класса, каких-то три паршивых года.

И в мореходку, в первом же порту на том берегу Атлантики, он тихо уйдет. Будет искать ее, пока не умрет в картонной коробке от голода и холода у подножия какого-нибудь небоскреба. А мимо будут ходить туда-сюда "простые американцы, которых ждет новый виток инфляции и скачок безработицы, повышение цен на лекарства и товары первой необходимости"...

А может не ждать? Есть же автобус 128-й с Петроградской в Гавань. Бюст пограничника в стеклянном кубе, турникет, корабль и голубая акватория мирового океана. А вдруг, а может быть. Ведь сколько раз он проходил незамеченным мимо билетеров в "Молнии"...

Фантик ее от жевачки "Ригли" – Бруклинский мост несколькими пронзительными штрихами...

Громыкнуло, черное небо стало розовым и сразу желтым – салют начался, с праздником дорогие товарищи! Ура!

Память заедает, дергается будто кадры на пленке испорченного кинопроектора...

– Пойдем на улицу, хочу курить, твой "Манхеттен" заебал. Я ненавижу его.

Неохотно возвращаюсь в реальность, мы с Кирой на кровати едва касаясь лбами, она рисует пальцем у меня на губах сердечко.

Я ищу деньги, их все меньше и меньше, надо искать работу, надо завязывать хотя бы с водкой. Телефон ее внезапно, она убегает говорить на улицу. Пропадает на неделю.

Между нами ничего не было, то есть я хотел сказать отношений, любовь там, или как эта хуйня называется. Часто видел ее с какими-то упырями у "Пятерочки", по их лицам всегда заметно – денег нет. И не будет никогда. Стоят, ждут чего-то. Мне было совершенно безразлично с кем она, кто все эти черти.

Лишь однажды, что-то с ней случилось ранним утром. Я проснулся за полчаса до будильника, разбудил ее. Она сказала:

– Кончи в меня...

На мгновение представил, какие у нас получатся дети, у меня сразу обмяк. Иди ты в жопу, дура. Мне надо было ехать в город, зачем не помню. Когда оделся и собрал сумку, она все сидела на кровати, я подошел, положил руку ей на плечо.

– Все. Пошли. А то я опоздаю.

Кира вдруг схватила меня за ногу, обняла, как это делают непослушные дети в садике по утрам, когда уходят папа или мама.

Однажды позвонила жена, нет, официально мы не расписаны, просто долго вместе, и тоже относительно. Вместе никогда не жили, встречались у нее дома, там были еще мама, бабушка и собака тоже сука. Лена сказала – я приеду, мне интересно, как ты живешь. Я быстро посчитал, когда у нас последний раз было с Кирой, десять дней назад, ладно, если я подцеплю какой-нибудь кибертрипер, но заражать старых друзей неприлично. И я сказал – приезжай.

Мы ходили купаться на водопады, Лена загорала, я в тени ракиты пил теплое пиво. Вечером Лена спросила:

– Что за умственно отсталая девочка во дворе?

– Соседи. На втором этаже живут.

– Так посмотрела на меня...

Рано утром ей на работу, понедельник. Я поплелся провожать.

– Ну, когда в город возвращаешься?

– Не знаю, – говорю, – еще лето, а там видно будет.

Я подождал пока последний вагон электрички, вильнув крупом, исчезнет за поворотом, и пошел домой. Я уже знал, что никуда отсюда не уеду, Лена тоже все поняла и очень скоро перестала звонить. Может, просто пора разбежаться, десять лет все-таки очень много, особенно, если нет никакой любви.

А Кира почему-то обиделась, исчезла на полмесяца, я даже заскучал. Вернулась с рюкзаком набитым яблоками, принесла мне немного в подоле.

– Я у бабушки жила, что бы тебя не видеть...

Кончилось лето, кончились деньги, надо было искать работу. У метро "Обухово" купил свежий номер "Вакансии", работы навалом, выбирай любую. Рекламный модуль на полстраницы – газета "Деловой Петербург" приглашает пеших курьеров, работа с девяти утра до четырнадцати часов. Я сразу позвонил, у них был для меня маршрут у Московского вокзала.

И вот сентябрь и я уже опытный курьер.

Понедельник, утро, первые мгновения новой недели, я начинаю отсчитывать порции времени до полудня пятницы.

Электричка вониючая, люди едут на работы с Чудово, Любани, Малой Вишеры это очень далеко. В вагоне тихо, все спят, храпят, попукивают. Дружно вылезают в Металлстрое и Обухово, на Московский вокзал поезд приходит почти пустой.

Все как обычно – "логан", пакет с доставкой, тяжелый в понедельник – куча рекламы и письма.

Малек водки и пол-литра "швелса", половина лимонада выплескивается на асфальт, в бутылочку заливается водка, мой знаменитый микс. Во дворе на улице Жуковского, прячусь за водосточную трубу, смотрю в форточку, окно очень низко.

Сегодня штора сдвинута, как-то месяц назад я вот так же стоял на этом самом месте, переливал из посуды в посуду, и услышал как там, на кухне, женщина получила по ебальнику. Сначала она взвизгнула – "не смей на меня арать!", щелчок, посуда посыпалась, колыхнулась занавеска, кто-то зарычал.

Потом, через несколько дней, я ее увидел, окно было неожиданно без драпировки, это оказалось не кухня, а жилая комната. Чемодан на шкафу, пустой сервант, кровать дыбом, холодильник, если холодильник в комнате – коммуналка. И вошла она, та, что получила. Очень красивая женщина, пьяница с забинтованной рукой...

Как люди живут на первых этажах? Я могу спокойно пухнуть им в комнату, например, вот пустой бутылек, или хабарик. В соседнем окне едва светит лампочка под потолком, вместо занавесок одеяло. Почему вы еще здесь? Вам давно пора в Окуловку или Малую Вишеру на свежий воздух и дешевый героин. А за этими окнами будут радовать глаз уютные офисы и бутики.

У меня еще несколько адресов и все в одном деловом центре. Заказываю пропуск, поднимаюсь на лифте на последний этаж, мой любимый диван у окна под фикусом, никого, рабочий день в разгаре. Сажу, пьянею...

Он все это время думал, я это или не я, мучился, стеснялся. Каждый день я приносил ему в офис свежий номер газеты, ждал пока секретарша отыщет авторучку на столе, что бы расписаться в моем "путевом листе", наконец он решился, догнал меня в коридоре.

- Мирон, ты? Здорова, епта!
- Бок!
- Ты куда сейчас?
- Да я в принципе все уже...
- Пошли, поедим.

Спустились вниз в кафетерий, как мои дела он не спрашивал и так все понятно. Кстати, это признак ума и многих разных добрых человеческих качеств. Вот встретишь, например, дурака старого знакомого, глаза надует: – Ты где сейчас? И лупит бельмами, ответа ждет.

Мы сразу стали вспоминать юность птушную. Сидели час, поели и выпили, он завтра уезжает в Москву, когда вернется не знает, взял у меня номер телефона, сказал обязательно позвонит. Оплатил обед, мы вышли на улицу, покурили, и я поспешил на электричку.

Блин, Андрюха Боков, тридцать лет не виделись, толстый стал, голова круглая, часы, перстень с камушком. Молодец, хули.

И я снова проваливаюсь в прошлое, а больше ничего не осталось, как только вспоминать, впереди вряд ли что произойдет. Тогда казалось – сдохнуть в сорок лет и заебись и хватит. Нас было еще так мало на этой планете...

Я жил тогда в ФРГ – фешенебельный район Гражданки, так называлась земля от станции метро "Академическая" до Муринского ручья. Дальше была территория ГДР – Гражданки дальше ручья.

Хрущевские дома без чердаков и с большими квадратными окнами. Целые города построены из таких пятиэтажек, это я знал из прогноза погоды после программы "Время". В Перми плюс восемнадцать, в Набережных Челнах плюс двадцать пять...

Весна восемьдесят шестого, третий курс ПТУ, в сумке от противогаса одна тетрадь на все предметы, на обложке PUNK, 999, "Кино", "Аквариум". В ПТУ вкусно и плотно кормили завтраками и обедами, на переменах можно было натрасти денег на бутылку.

Я и Бок учились в одной группе, вместе прогуливали практику. Утром покупали две трехлитровые банки разливного пива в ларьке у "Академической" и шли в гости к старому мажору Лехе Марычеву.

Все стены у Марыча были увешены плакатами из вражеских журналов "Браво" и "Попкорн". Пока разливали, я обычно в сотый раз перелистывал старые, январские номера, новые Леха в руки не давал, говорил – покупай, смотри, семь рублей.

Хит парад январь восемьдесят шестого "Модерн токинг" уже на десятом месте, на первом Си Си Кетч со своей "Ва сива янг", следом "Бэд Бойз Блю", дальше не помню. Фото такие яркие, глаза режут, "Френки едет в Голливуд" – солист в широченных клетчатых штанах и кепке, как у Гавроша. "Депеш мод" – Мартин Гор белокурый в кожаной фуражке и огромным крестом на чахлой груди.

Я листал глянцевые страницы. Рисунки типа комиксов, какие-то гопники такие же как мы, только там далеко, где-то в Европе за железной стеной. Готическая улица, вечер, полосатый тент над витриной, тени в магазине, булыжная мостовая, вертикальная надпись желтыми буквами, подворотня, мусорные бачки с крышками. Один гопник говорит что-то смешное другому, оба в драных джинсах, кедах, куртки на молниях. Их диалог в белом облачке, как это рисуют в комиксах, парни смеются, никто не знает о чем. Пытаюсь перевести, ни хрена не получается, мы и русский-то язык не учили, какой уж там английский.

Однажды, мы принесли три бутылки "Агдама", налили по стаканам, нам по половинке, хозяину целый. Леха радовался – счастье принесли, он называл крепленое вино "счастьем". Помню, была открыта форточка, тепло, за окном падал последний в ту зиму снег. Из динамиков над кроватью "Скотч" легендарный кашель – агху, агху, лаптапду – бобмагду! Леха поставил на стол бутерброды – булка, плавленый сыр.

– Ну, давайте.

Выпили, прикурили по сигарете. Кончилась кассета, Леха попросил Бока:

– Переверни.

Щелкнула кнопка, шуршание пленки, тишина.

Сочная барабанная дробь...

– Токинь ё взй...

Я такого еще не слышал, судорога счастья пронзила мое тело, тупо уставился на ролики кассеты медленно крутящиеся в кармане магнитолы. Это было лучшее, это было самое лучшее!

– Леха, кто это?

– Что?

– Кто поет?

– Аха.

Леха и Бок о чем-то пиздели, неужели им все равно?

– Тэ-э-эйк о-он ми-и-и...

Мой стакан остался не тронутым, мне не нужно вашего "счастья", мои глухие друзья, пока тянут батарейки и крутится кассета...

Так было прошлой осенью, когда я услышал "Модерн токинг". До октября восемьдесят пятого были остопиздевшие "итальянцы", две песни "Лэйд бек", "Газебо", я болел "алюминиевыми огурцами", гопники балдели от "Примуса" и "Альфы", девочки слушали "Форум".

Апражка. Не этот зверинец, что сейчас, тогда здесь был комиссионный магазин самый большой в городе, мы дети рабочих ездили сюда "позырить на технику". "Сони", "кенвуд", "саньо", "хитачи" магнитолы серебрянные с круглыми динамиками, двухкассетные, блестят, мигают, чистота звука умопомрачительная. Одни магнитолы на полках размером с чемодан, есть средние, маленькие. У прилавков постоянно толпа, покупателей нет, народ только смотрит. И слушает музыку.

Тридцать лет, а я даже помню лица в той толпе, продавец вставил в карман магнитолы кассету, хлопнул крышечкой, нажал на кнопку... Все замерли, неслыханная ранее музыка, новый ритм отбиваемый клавишами синтезатора, долгое вступление, дум-дум, и женский голос запел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.